

Цирулев Александр Федорович

КОРНИ ТОЛСТОВСКОЙ "ДИАЛЕКТИКИ ДУШИ" В РУССКОЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (XI-XVII ВВ.)

Рассматривается проблема становления психологической ветви древнерусской литературы XI-XVII вв. в связи с развитием автобиографических тенденций, нашедших высшее развитие в трилогии Л. Толстого. Анализируются выдающиеся памятники древнерусской словесности, принадлежащие перу Мономаха, Даниила Заточника, Афанасия Никитина, Ивана Грозного, Аввакума и др. В русской словесности зарождаются элементы художественного анализа, проявляющиеся у Грозного как "праэлементы психоанализа", а у Аввакума – как начала личностного мировидения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 198-200. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82

Филологические науки

Рассматривается проблема становления психологической ветви древнерусской литературы XI-XVII вв. в связи с развитием автобиографических тенденций, нашедших высшее развитие в трилогии Л. Толстого. Анализируются выдающиеся памятники древнерусской словесности, принадлежащие перу Мономаха, Даниила Заточника, Афанасия Никитина, Ивана Грозного, Аввакума и др. В русской словесности зарождаются элементы художественного анализа, проявляющиеся у Грозного как «праэлементы психоанализа», а у Аввакума – как начала личностного мировидения.

Ключевые слова и фразы: психологизм; жанр; автобиографизм; средневековый канон; автор; «диалектика души».

Цирулев Александр Федорович, к. филол. н.

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
tzirulev.al@yandex.ru*

КОРНИ ТОЛСТОВСКОЙ «ДИАЛЕКТИКИ ДУШИ» В РУССКОЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (XI-XVII ВВ.)[©]

Проблема толстовской «диалектики души» освещена в нашем литературоведении достаточно глубоко и всесторонне. Однако мы знаем, что самый метод Л. Толстого не возник на ровном месте. Он явился продолжением и развитием художественных достижений прошлого. Оставляя в стороне вопрос зарубежных влияний на молодого Толстого, мы попытаемся выявить главных русских предшественников его в сфере воссоздания «внутреннего человека». В статье рассматривается процесс зарождения и становления психологической ветви древнерусской литературы XI-XVII вв. прежде всего в связи с формированием автобиографизма на русской почве. Автор исследования стремится определить конкретный вклад ряда сказителей в становление поэтики русского психологизма. Особо акцентируются моменты, связанные с разрушением агиографического канона и утверждением принципов личностного мировидения. Анализ психологических исканий древнерусских художников, как представляется автору, позволит с большей полнотой и достоверностью уяснить суть эстетического открытия Толстого-автобиографа.

Как утверждают исследователи, древнерусский книжник начинает достаточно рано апеллировать к внутреннему «я» человека. Так, В. П. Адрианова-Перетц в ходе изучения учительной литературы XI-XIV вв. приходит к знаменательному заключению: «Глубокому проникновению во ~~внутреннего~~ человека», т.е. прежде всего в самого себя, учили ~~«лова»~~ и ~~«ноучения»~~, общей задачей которых было разъяснить, каков должен быть ~~«нрав человека»~~» [1, с. 17]. По мнению Д. С. Лихачева, психологизм стал проникать в сочинения древнерусских авторов несколько позже – в XIV-XV вв. «Психологические побуждения и переживания стали заполнять собой литературные произведения примерно с конца XIV века» [4, с. 105]. Говоря о вызревании психологического метода в недрах древнерусского искусства, мы должны иметь в виду его неразрывную, онтологическую спаянность с автобиографизмом. Психологизм и автобиографизм в древнерусской литературе почти всегда идут всегда рядом и взаимодополняют друг друга. Древнерусский писатель, обнаруживающий мало-мальски заметный интерес к внутренней жизни человека, как правило, начинает с самого себя – с показа собственных мироощущений.

Одним из самых «личностных» и наиболее «психологичных» творений раннего Средневековья является «Поучение Владимира Мономаха» (XI век). Именно у Мономаха мы находим одну из самых первых и наиболее убедительных попыток «прикровенного» «рассказа о себе», что должно признать эстетическим открытием в словесности той поры. До Мономаха главным и едва ли не единственным средством обрисовки индивидуума был поступок, деяние, внешний акт. Летописец был глух и равнодушен к внутренним побуждениям своего героя. «Он оценивал», как замечал Д. С. Лихачев, «не психологию князя, а его поведение» [5, с. 41]. Мономах тоже пишет в основном о своих поступках и деяниях, когда выстраивает рассказ о собственных «ловах» и «походах». Однако при этом он заявляет о своих чувствах и о своем внутреннем отношении к обстановке всеобщего раздора на Руси. Эта авторская «печаль» («печалование князя») и придает памятнику неповторимую, индивидуальную ноту и особое лирическое звучание. Разумеется, чувство у Мономаха выражено еще скудно, но оно заявлено и художественно оформлено.

Более индивидуализированное и более тонко обрисованное состояние души находим мы в «Молении Даниила Заточника», созданном примерно в XIII веке. Здесь внутренний мир героя представлен сильнее и рельефнее, нежели в «Поучении». Даниил не героизирует себя подобно князю Владимиру, а поэтому позволяет себе высказываться более свободно, а в отдельных случаях – например, в рассуждениях о друзьях, отвернувшихся от бедного «милостника», – даже иронично. В повествование проникают исповедальные мотивы, связанные с желанием раскрыть скорбь от своего положения и подчеркнуть при этом свою духовную значительность. Личное «я» сказителя здесь еще не в силах отвоевать повествовательную территорию, «зурпированную» жанровым образом автора. И, тем не менее, «Моление» – важный шаг в усилении психологической линии в литературе средневековья.

В конце XV века появляется произведение, в котором авторская рефлексия и авторский психологизм проступают с еще большей отчетливостью, хотя и с меньшим ораторским блеском, чем в «Моление». Мы имеем в виду «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. В описание быта и нравов экзотической «земли ындийской» вдруг врывается «психология». Интонация горестных размышлений, ярко выраженные всплески отчаяния, ощущение тотального одиночества, нагнетание раздумий о собственной «оскверненности» – все это придает рассказу Никитина небывалую прежде в литературе психологическую окрашенность и явно лирическую экспрессию. В результате такого построения открытие внешнего мира в «Хождении» Никитина превращается в открытие мира внутреннего.

В литературе XVI в., с одной стороны, «происходит расцвет монументализма и «еловесного витийства», а с другой – обнаруживается «опрошение стиля» [7, с. 41]. Обе эти тенденции находят яркое выражение в «Письмах Ивана Грозного к Курбскому» (1564-1579 гг.). «Письма» играют особую роль в становлении форм русского психологизма. Иван Грозный – при всей своей внутренней противоречивости – выступает как первая личность, нашедшая свое художественное отображение в литературе эпохи Средневековья. Если у Монаха, Даниила Заточника, Никитина личностное начало проявляет себя робко, несмело и по преимуществу в зачаточных формах, то в произведениях Ивана IV личность определяет все: и выбор темы, и характер подачи материала, и стилистический рисунок письма. Как и в политической своей деятельности, Иван Грозный руководствуется собственным велением, решительно отбрасывая каноны и прочие этикетные установки. Личностный характер прозы царя собственно и определяет ту «психологичность», ту патетическую «горячность» и ту необузданную субъективность, которую мы ощущаем в каждой фразе, в каждой гневной инвективе посланий. С Ивана Грозного в нашей литературе начинается линия той страстной авторской откровенности, которая со временем с удивительной силой явит себя в писаниях Аввакума, а позже – Л. Н. Толстого. Иван IV впервые выносит на всеобщее обозрение то, что принято было скрывать и хранить в тайниках своей души. В сочинениях государя проскальзывают «праэлемнты» психоанализа. Воспроизводя свои детские впечатления и характер своих взаимоотношений с боярами, он выстраивает цепь унижений, обид, «непризнаний», через которые ему довелось пройти.

Под влиянием крутых перемен, произошедших в России в начале XVII века вследствие развития процессов имманентного характера, вся система литературных жанров приходит в движение. Строгий литературный канон, царивший в древнерусском искусстве на протяжении веков, медленно, но неумолимо сдает свои позиции. Концентрированным выражением этих важнейших сдвигов становится «Житие протопопа Аввакума».

Протопопа Аввакума нередко называют первооткрывателем художественной автобиографии на русской почве. Это верно, но не совсем. ««Житие протопопа Аввакума» не может быть признано полноценным «рассказом о себе», в котором торжествует принцип «художественной самообъективации», – М. М. Бахтин [2, с. 7]. Ряд критиков (М. Ю. Лотман [6], О. Ю. Осьмухина [7]) развивает мысль о том, житие в сочинении Аввакума превращается в «антижитие» (О. Осьмухина [Там же, с. 85]), что у протопопа мы наблюдаем «абсолютное разрушение нормы» и «окончательный упадок этого литературного вида» (Ю. Лотман [6, с. 247]). На наш взгляд, агиография для пустозерского пустычника отнюдь не мертвая форма, от которой он освобождается как от чего-то лишнего и устаревшего. «Словесная икона» для Аввакума – важнейшее средство решения тех задач, которые он поставил перед собой. Однако, воплощая свое земное «я», писатель использует целую палитру изобразительных средств, почти неизвестных средневековому мастеру слова. Во-первых, протопоп уходит от автобиографического фрагментаризма и вместо эскизных зарисовок выстраивает цельную, хронологически оформленную жизненную судьбу. Во-вторых, в жизнеописании Аввакума появляется бытовая, конкретно-историческая обстановка, которая отсутствовала в средневековых памятниках. И, наконец, в-третьих, – что резко выводит «Житие» за пределы узкожанровой, житийной традиции – он акцентирует «психологические начала» письма. У Аввакума абстрактный психологизм средневековья превращается в конкретно-исторический психологизм, характеризующийся не просто повышением интереса к внутренним сферам личного бытия, но стремлением автора связать героя со средой, с реальными формами жизни.

Исследователи уже писали о том, что Аввакум существенно расширяет диапазон психологических характеристик человека. Это справедливо. Но еще большее значение для понимания психологических новаций протопопа имеет даже не то, что Аввакум чаще и больше других говорит о собственных переживаниях, а то, что делает это он с исключительной и невозможной для Средневековья *искренностью*. Принцип искренности и замечательного «простодушия», введенный Грозным и блистательно развитый Аввакумом, имеет громадное значение для становления форм русской психологической прозы. Важно отметить, что установка на откровенный и безыскусный «рассказ о себе» у Аввакума имеет не поведенческий, а *литературно-писательский* характер. Внимание Аввакума к собственному «я», принцип «искренности», иначе говоря, повышенная психологичность «Жития» приводят к еще одному важному структурному «сдвигу». До Аввакума сказитель имел дело с отдельными чертами характера. Причем представлены эти черты были в «твердом виде», как бы отделенными от их носителя, поскольку «...объединяющее начало – характер человека – еще не открыто» (Лихачев Д. [4, с. 110]). Аввакум же следует не за схемой, а за жизнью, «...и его внутреннее “я” освобождено... от условности» [8, с. 170]. В процессе самонаблюдения (и самораскрытия) он выявляет в себе причудливое сочетание разных начал. Это приводит к оформлению текста «Жития» некоего эстетического ядра или литературного характера, являющегося, по мысли Л. Я. Гинзбург, «идеальным представлением, структурой, создаваемой человеком в порядке автоконцепции» [3, с. 67]. Разумеется, в сочинении священника мы еще не видим «диалектики характера» как таковой и не наблюдаем перехода качеств друг в друга.

К тому же Аввакум оперирует не человеческими категориями, а ипостасями «пророка» и «земного грешника». И все же «добро» и «зло», разведенные порознь в средневековой традиции, у Аввакума «соединяются» в единой художественной целостности.

Итак, можно заключить, что корни русского психологизма следует искать в первых памятниках древнерусской словесности (Мономах, Даниил Заточник, Никитин). Подлинный прорыв в сферу личностного самовыражения и литературной «исповедальности» совершил Иван Грозный. Наиболее крупные заслуги в формировании основ психологического метода принадлежат выдающемуся художнику XVII века – протопопу Аввакуму, которого можно назвать своего рода предтечей М. Лермонтова и Л. Толстого.

Список литературы

1. **Адрианова-Перетц В. П.** Изображение внутреннего человека в русской литературе XI-XIV вв. // Вопросы изучения русской литературы XI-XX вв. Л.: АН СССР. (Ленингр. отд.), 1958. С. 15-24.
2. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 422 с.
3. **Гинзбург Л. Я.** О психологической прозе. Л.: Худ. лит., 1972. 444 с.
4. **Лихачев Д. С.** Изображение людей в житийной литературе XIV-XV века // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). М.: АН СССР, 1956. Т. XII. С. 105-115.
5. **Лихачев Д. С.** Изображение людей в летописи XI-XIII вв. // ТОДРЛ. М. – Л.: АН СССР, 1952. Т. X. С. 4-43.
6. **Лотман Ю. М.** Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александрия, 1992. Т. 1. С. 243-247.
7. **Осьмухина О. Ю.** Авторская маска в русской прозе XIII – первой трети XIX в. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2008. 186 с.
8. **Туфанова О. А.** Структура художественного времени в «Житии» протопопа Аввакума // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2. Ч. 3. С. 167-171.

ROOTS OF TOLSTOI'S "DIALECTIC OF SOUL" IN RUSSIAN AUTOBIOGRAPHICAL TRADITION (THE XITH-XVIITH CENTURIES)

Tsirulev Aleksandr Fedorovich, Ph. D. in Philology
Nizhnii Novgorod State University named after N. I. Lobachevskii
tsirulev.al@yandex.ru

The author considers the problem of forming the psychological branch of the Old Russian literature of the XIth-XVIIth centuries in connection with the development of autobiographical tendencies that found higher development in L. Tolstoi's trilogy, analyzes the outstanding monuments of the Old Russian literature that came from the pen of Monomakh, Daniil Zatochnik, Afanasii Nikitin, Ivan the Terrible, Habakkuk, etc.; and tells that the elements of artistic analysis originated in the Russian literature, and they were represented by the Terrible as "the elements of psychoanalysis" and by Habakkuk – as the beginning of the personal worldview.

Key words and phrases: psychologism; genre; autobiographism; medieval canon; author; "dialectic of soul".

УДК 821.112.2

Филологические науки

В статье рассматривается рецепция китайской культуры, нашедшая отражение в поэтике австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти (1905-1994), которая носит программный характер и прослеживается на всех уровнях его творчества – от автобиографических текстов, заметок, эссе до романа «Ослепление». Автор статьи обращает особое внимание на влияние китайской философии на формирование эстетических взглядов Канетти, повлиявших на своеобразие его поэтики.

Ключевые слова и фразы: поэтика; китайская культура; Конфуций; конфуцианство; китайская философия; миф.

Шастина Елена Михайловна, д. филол. н., профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет (Елабужский институт)
shastina@rambler.ru

РЕЦЕПЦИЯ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЭТИКЕ ЭЛИАСА КАНЕТТИ®

Современный китайский писатель, удостоенный в 2012 году высшей литературной премии, в своей нобелевской лекции, рассуждая о влиянии на его творчество «американца Уильяма Фолкнера» и «колумбийца Габриэля Гарсиа Маркеса», сформулировал эту идею следующим образом: «В моем понимании, один писатель может испытывать влияние другого в том случае, если в глубине души они в чем-то походят друг на друга».